

УДК 398.22

ЭПИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ЛЕГЕНДЕ «МЕХДИ – СЫН ГАСРАТААЛИ»

Ю. М. Муртузалиев

Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы ДНЦ РАН

На примере сравнения табасаранской легенды с мотивами эпоса «Шахнаме», а также былинного и нартского эпосов в статье показано, как в легендах выделяются эпические мотивы и используются для передачи совершенно иного смысла – пропаганды религиозного культа.

By comparing the Tabasaran legend with motifs of the epos "Shahnameh", and also the bylina and Nart eposes the author shows how epic motifs in legends are distinguished and used for conveyance of completely another meaning – religious propaganda.

Ключевые слова: табасаранская легенда; эпические образы и мотивы; легенда; «героическое детство»; былина; нартский эпос; иранский эпос «Шахнаме».

Keywords: Tabasaran legend; epic images and motifs; legend; heroic childhood; the bylina and Nart eposes; the Iranian epic "Shahnameh".

Устная традиция табасаранцев не сохранила эпоса, но в составе преданий, легенд имеются тексты, которые выделались из эпических сюжетов: в них присутствуют мотивы столкновения героя с врагом и завладения женой или дочерью правителя; рождения сына-богатыря, который часто воспитывается без отца и растет в доме матери, а отец по тем или иным причинам отсутствует; борьбы отца с сыном. «Такой тип сюжета возник в результате ослабления эпических традиций, постепенной трансформации жанра сказаний. При этом легендарные <...> мотивы наличествуют как в традиционном эпосе, так и в жанровых формах, возникших вследствие эволюции» [1].

Нами записана легенда «Мехди¹ – сын Гасратаали»², содержание которой лаконично повторяет известные эпические сюжеты.

Гасратаали³, обратив одного повелителя [царя, короля] в мусульманскую веру, берет себе в жены его дочь. Они находятся с ней в дислокальном браке⁴. Подобный мотив известен в эпосе других народов Кавказа – женитьба Сослана на Агунде [2, с. 181] у осетин. Через месяц Гасратаали решает пойти в Мекку⁵. Перед отъездом Али подобно Рустему из «Шахна-

¹ *Мехди*, или *Махди* – исламское имя, означающее «Богом (аллахом) посланный Мессия». URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1439224> (дата обращения: 18.11.2012).

² Записано нами от жителя с. Фиргиль Табасаранского района РД Раджабали Раджабова. Здесь и далее цитаты приведены из этого текста.

³ *Али*, четвертый халиф Арабского халифата, последний из «праведных халифов». Двоюродный брат и зять Мухаммеда. Провозглашен халифом после убийства Османа; вел вооруженную борьбу за власть с правителем Сирии Муавией (халиф с 661 г.), в ходе которой в 657 г. потерпел поражение. Убит хариджитами. Объявлен шиитами первым имамом // Энциклопедический словарь. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf> (дата обращения: 18.11.2012).

⁴ Обычай раздельного проживания супругов (каждого в своей родственной группе). Был распространен у ряда племен Азии, Океании, Африки, Северной и Южной Америки; у наядов Индии сохранялся до XX в. Пережиточными формами дислокального брака иногда считаются: проживание у многих племен мира мужчин в отдельных мужских домах; наличие раздельных жилищ у жены с детьми и у мужа; обычай временного раздельного проживания супругов в первый период после заключения брака; деление семейных жилищ на женскую и мужскую половину и др. URL: <http://slovari.yandex.ru> (дата обращения: 18.11.2012).

⁵ *Мекка* – на древнесемитском языке – дом. Город, расположенный в исторической области Хиджаз, на территории Аравийского полуострова. В Мекке находится первый в истории человечества храм (дом) Кааба, предназначенный для поклонения единому Богу (Коран 3: 96). В Коране этот город упоминается под различными названиями: Бекка, Умм аль-Кура и Балад аль-Амин. История Мекки связана с первым человеком Адамом, который побывал в этих местах после того, как по воле Аллаха спустился на землю из рая [3].

ме»⁶ и Илье из русской былины [5, с. 783], снимает с руки золотой браслет и передает жене, проговаривая: «Если ты родишь дочь <...> продай этот браслет, вырученные деньги потрать на нее. А если родится мальчик, назови его Мехди. Когда он вырастет, надень браслет ему на руку и отпусти. Он меня найдет».

Мехди растет в материнском роде. Так, в нартском эпосе «герои входят в нартское общество по матрилокальному признаку (Сосруко и Сырдон), другие – по патрилокальному, но и эти обычно проводят детство в материнской группе, в «подводном ауле» (Урызмаг, Хамыц, Батрадз, безымянный сын Урызмага)» [2, с. 162]. По этому поводу Е.М. Мелетинский пишет: «Нартские сказания как особая форма героического эпоса создавались длительное время и в значительной степени отразили процесс перехода от матриархата к патриархату, зарождение военной демократии в условиях сильных матриархальных пережитков» [2, с. 162].

В 15–16-летнем возрасте Мехди мог побороть не только своих сверстников, но и тех, кто был на три-четыре года старше его. Однажды он поссорился со своим сверстником и побил его. «Воспроизведение отдельных посвященных испытаний можно найти в мифах о культурном герое (они дают поучительный образец церемонии), в волшебной сказке и в ранних произведениях героического эпоса. При этом забываются детали обряда, на первый план выдвигаются воинские испытания и формируется сюжет о «первом подвиге». Этот первый подвиг позволяет угадать в герое будущего богатыря» [2, с. 182]. «Параллельно с испытанием развивается мотив нерастрченных природных сил юного богатыря, которые он проявляет в драках и играх с детьми, часто калеча своих сверстников. Сказания о героическом детстве Сосруко переплетаются с соответствующими сказаниями о закалке и детских подвигах Батрадза и со сказаниями о детях-богатырях, столь популярными в нартском эпосе» [2, с. 182]. «Амирани с малых лет проявляет богатырскую натуру, вместе с Бадри и Усыби он колотит детей, разбивает кувшин, который несет старуха, избивает смеющихся над ним водоносов» [2, с. 208].

«Сирота, не имеющий отца», – кричит обиженный, убегая от Мехди, и этим высказыванием провоцирует его на выпытывание у матери информации об отце. В «Шахнаме» неимоверная сила Рустема, его «непохожесть» на остальных побуждают у него вопросы об отце:

«О мать,
 Ответствуй, мне истину должно узнать:
 Я сверстников всех отчего перерос,
 Главу до высокого неба вознес?
 Из рода какого происхожу?
 Чей сын, – коли спросят, что людям скажу?» [4, с. 15–16]

В некоторых кавказских вариантах этого мотива «обиженные дают мальчику богатырское поручение по формуле: чем драться, лучше бы узнал, что случилось с глазом Иамани» [4, с. 15–16], или освободил бы Цамцуми, прикованного Бакбакдэвом, и т.п. [2, с. 208].

Разозлившись, Мехди пошел к матери и начал спрашивать, чей он сын. Через угрозу он узнает, что он сын Гасратаали. Надев браслет на руку Мехди, мать отпускает его. После долгих скитаний Мехди очутился в одном городе и встречает там мастера, который строил минарет. Ему помогали два сына. Они работу почти закончили, оставалось только поставить купол. Им было не под силу поднять этот купол. Они не знали, что делать. Мехди помог им: он один без труда поднял купол на приготовленное место. Этим мастером оказался Гасратаали, а помощниками – его сыновья Гасан и Гусен. Далее следует мотив борьбы. Увидев такого силача, Али удивился. Во многих краях они побывали, многих героев видели, но сильнее себя самого и своих сыновей Али не встречал. Али решил проверить силу Мехди. Али говорит сыну [Гасану]: «Выходи с ним на единоборство». Мехди побеждает сначала Гасана, затем и Гусена. Разозлившись, Али выходит сам. Его тоже Мехди уложил. Положив руку на грудь Али, Мехди остановился. Затем следует мотив узнавания по браслету.

Узнав, что он поборок отца, от стыда Мехди убегает прочь. Али погнался, чтобы остановить сына. Мехди зашел в море.

⁶ Носил богатырь на руке амулет,
 О том амулете слышан был свет.
 Его отдавая, Ростем говорит:
 «Храни: коль судьба тебе дочь подарит,
 К косе прикрепи ей на счастье; всегда
 Над нею да светит благая звезда!
 А если бы сына послал тебе рок —
 Надень ему на руку отчий залог [4, с. 14].

Распространение подобных сюжетов и мотивов «скорее всего, является результатом культурной диффузии» [6], а «структурное и содержательное единообразие эпоса народов мира в значительной своей части имеет чисто типологическое объяснение» [6]. На содержательном уровне типологически общими оказываются все характерные эпические ситуации и коллизии – биографические («матримониальные») и воинские [6].

В тексте показан мотив конца света, во время которого пророк Иса спустится с небес и Мехди выйдет из Моря. Тогда неверующие под предводительством Даджала будут сражаться с Мехди, в результате чего Иса и Мехди уничтожат Даджала. После этого в течение 40 лет на земле будет править Мехди.

Подобные сюжеты наличествуют у многих народов, но мы ограничимся сопоставлением мотивов нашей легенды с иранским и русским былинным эпосами и некоторыми нартскими сказаниями. В сопоставлении мотивов этих эпосов с табасаранской легендой позволяет нам установить несколько точек соприкосновения:

1. Происхождение сына. Мехди – богатырь царского происхождения по матери; сын Ильи называется в некоторых былинах младым королевичем Збутом, Борисом⁷, в Шахнаме Сохраб имеет царское происхождение – сын дочери царя Семингана Тахмине [4, с. 12]. Таким образом, в табасаранской легенде, так же как по иранским преданиям, так и по русским былинам, сын богатыря рождается в иноземном царстве от связи с царевной во время похода и покорения правителя.

2. Развитие героя. Сын богатыря развивается очень быстро. Сохраб «в десять уж был <...> сильнейшим в краю» [4, с. 15]; сын Ильи также растет не по дням, а по часам; в 15–16-летнем возрасте Мехди мог побороть не только своих сверстников, но и тех, кто на три-четыре года старше него.

3. Уход отца. Расставаясь с Техмине, Рустем оставляет ей для будущего сына или дочери драгоценность; в одной былине Ильи дает Горынинке для сына или дочери дорогой перстень [5, с. 783], наказывая при этом, что если сын его, возмужав, выйдет в поле и увидит старого, то пусть, не дошедши до него, поклонится; по табасаранской легенде Гасратаали, собираясь в путь, говорит жене: «Если ты родишь дочь, то продай этот браслет, вырученные деньги потрать на нее. А если родится мальчик, назови его Мехди. Когда он вырастет, надень браслет ему на руку и отпусти. Он меня найдет»...

4. Особое место занимает мотив сиротства эпического героя. «Он очень широко представлен, в частности, в фольклоре кавказских народов и связан с темой сиротства или просто с незнанием ребенка о своем происхождении. Обычно именно с этого мотива начинается раскрытие семейной тайны, от которой мальчика тщательно по разным причинам оберегали. Так изображается детство героев осетинского эпоса Урызмага и Хамыца, дигорского Дзанболата, адыгейского Чечаноко Чечана. «Шалости» в детстве Батрадза, кроме того, могут быть и просто информацией о новом богатыре, живущем в море, откуда нарты впоследствии выманивают его» [6]. Тема сиротства «в описании героического детства зачастую получает развитие не тогда, когда есть действительное сиротство (как, например, в детстве Добрыни или Василия Буслаевича), а при ситуации сиротства мнимого, т. е. незнания о своем отце, находящемся в отлучке (былинные Сокольник и Саул Леванидович, Мгер Младший армянского эпоса), или же, напротив, изгнавшем из дома своего нелюбимого ребенка (Козарин). Таким образом, в некоторых случаях показателем исходного конфликта может служить пространственная разобщенность героя с отцом или вообще героя с семьей» [6]. «Доминирующей эпической темой, которая кристаллизуется в исходной семейной ситуации, является эпическое сиротство – действительное или мнимое, абсолютное (ребенок – круглый сирота) или неполное (у него нет отца). Легко при этом заметить, что для складывания этой темы главное значение имеет как раз вопрос об отце: именно разобщенность с ним таит в себе зародыш исходного конфликта (бой отца с сыном, кровная месть и пр.)» [6].

5. Первый конфликт героя с детьми и узнавание у матери о существовании отца. Десятилетний Сохраб, угрожая убийством, допрашивает мать о том, кто его отец: «Когда вместо правды ты ложь изречешь – / Сама на погибель себя обречешь» [4, с. 16]; по кавказским отголоскам Рустемиады сын свое допрашивание сопровождает пытками матери. В нашей легенде Мехди угрожает матери: «Если ты не скажешь, кто мой отец, сперва убью тебя, а потом себя».

6. Поиск отца. Техмине, открыв Сохрабу имя отца, дает ему амулет, оставленный Рустемом; Златыгорка дала сыну златен перстень [5, с. 198]; Надев браслет на руку, мать отпускает сына [Мехди].

⁷ Ильи ездил с Добрынею («Как из славнова города из Киева...») // Древние Российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым. М.: Наука, 1977. 2-е доп. изд. (Лит. памятники). С. 189–192.

7. Мотив поединка. Сохраб вызывает против себя богатыря [4, с. 26]; в некоторых былинах герой – «нахвальщина», подступает с войском к Киеву и требует себе поединщика [7]; в нашем случае Мехди предлагает помощь строителям, демонстрируя свою силу и могущество.

Против Сохраба выступает сначала самый сильный после Рустема из богатырей – Тус [4], затем сам Рустем [4, с. 68], как в былинах Добрыня Никитич против сына Ильи, а и иногда Алеша Попович, причем Тус, как и Добрыня, терпит поражение. Против Мехди сначала выходит на поединок Гасан, затем Гусен и только после них выходит Гасратаали. Богатыри иранские считают, что только Рустем может устоять против Сохраба; по былинам Илья после поражения Добрыни видит, что заменить его некому. Бой отца с сыном заканчивается трагически для сына и в иранском эпосе. В русских сказаниях такой конец смягчен вводным эпизодом – коварной попыткой сына убить спящего отца. В табасаранской легенде Мехди, хотя и побеждает врага физически, но символически терпит поражение и «уничтожает» себя – бросается в море.

8. Развязка. Интересен мотив ухода Мехди в море. В легенде не объясняется, почему он прячется в воде. Сначала кажется, что этот мотив не имеет тесной связи с основным сюжетом, будто искусственно созданная концовка легенды противоречит традиционному эпическому мотиву конца жизни героя, однако в нартском эпосе имеется ряд мотивов происхождения эпического героя из водной стихии. Так, вспомним, что по материнской линии Урызмаг, Хамыц и Батрадз оказываются связанными с морской стихией, их матери — дочери водяного божества Донбеттыра – Дзерасса, Бценон. Дочерью Дзерассы (внучкой Донбеттыра) и христианизированного языческого божества Уастырджи (св. Георгия) оказывается и Сатана. Урызмаг и Хамыц, Батрадз и безымянный сын Урызмага растут и воспитываются в подводном ауле, в материнском роде [2, с. 193]. Также в осетинских вариантах эпоса об Амирани братья выманивают Амирани из водной стихии, где он проводит детство. Е.М. Мелетинский считает, что «этот сюжет, возможно, появился в эпосе Амирани под влиянием нартских сказаний» [2, с. 107].

Рассматривая «героическое детство» эпического героя в эпосах Востока и Запада, С.Ю. Неклюдов обращает внимание на его неземное происхождение: «Подобная экспозиция подготавливает появление персонажа особого типа — посланного в мир со специальными целями» [8, с. 129–140]. «Эта часть иногда бывает развернута в повествование о небесном рождении героя со всеми соответствующими эпизодами небесного героического детства – так обстоит дело, в частности, в некоторых версиях эпоса о Гэсэре» [8, с. 129–140].

Мы можем предположить, что уход Мехди в водное пространство – это не что иное, как возвращение героя в свой родной, подводный мир, в свое пространство. Думая, что его сын утонул, Али плача начал бить себя по голове. В это время, как обычно свойственно сюжету легенды, является к нему ангел Джабраил и сообщает, что Мехди жив: «Если не веришь моим словам, то брось с той горы свой меч и сам убедишься». Али так и сделал. Мехди вытащил со дна моря меч, поставил его на берегу и опять ушел в море. Тогда ангел Джабраил сказал: «До конца света Мехди останется повелителем морей».

В легенде получает последовательное воплощение система ценностей исламской традиции, и эпические элементы в таком контексте служат для более эффективной реализации религиозно-проповеднических целей. Здесь Гасратаали сражается во имя мусульманской веры и обращает в ислам правителя одного покоренного им города. Если в эпосе герой мог вступить в случайную или насильственную связь с женой или с дочерью покоренного правителя [7], то исламская традиция не позволяет нашему герою совершить подобное, и поэтому он женится на дочери правителя. Затем отправляется в Мекку – на свою родину. Мехди не встречается с отцом на поле битвы, как это свойственно развитию эпического сюжета, а, наоборот, застаёт своих «противников» при строительстве мечети. Все эти сюжетные трансформации позволяют смягчить и отвлечь внимание от эпического героя-богатыря, и основная смысловая нагрузка направлена на решение морально-этических проблем, что позволяет нашей легенде выставить на первый план важность исламских традиций.

Наконец, легенда завершается эсхатологическим мотивом о явлении Мехди с Исой и спасении ими человечества. «Спустившись с небес, он [Иса] убьет страшного Антихриста-Даджжала и установит вместе с аль-Махди царство справедливости на земле» [9, с. 120].

Здесь легенда преследует цель прямой пропаганды элементов мусульманского культа. Этой проповеднической установкой объясняются и наиболее характерные содержательные и стилистические особенности легенды подобного типа: в области тематики — отбор сюжетных элементов, способных наиболее сильно воздействовать на эмоции слушателей. Проповедническая, дидактическая сущность легенды прекрасно осознавалась и представителями духовенства, которые использовали многочисленные легендарные сюжеты для проповеди ислама [10].

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 12-06-90821-мол_рф_нр.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Надршина Ф.А.* Жанры башкирской несказочной прозы // Традиционная культура. 2006. № 2. С. 107.
2. *Мелегинский Е.М.* Происхождение героического эпоса. М.: Вост. лит., 2004. 464 с.
3. *Али-заде А.* Исламский энциклопедический словарь. Ансар, 2007.
4. *Фирдоуси.* Шахнаме. Т. II. От сказания о Ростеме и Сохрабе до сказания о Ростеме и Хакане Чина / пер. *Ц.Б. Бану-Лахути*; коммент. *А.А. Старикова*. М.: Изд-во АН ССР, 1960. 650 с.
5. Илья Муромец / подгот. текстов, ст. и коммент. *А.М. Астаховой*. М.; Л., 1958. 554 с.
6. *Неклюдов С.Ю.* Типология и история в памятниках героического эпоса // The Armenian Epic "Daredevils of Sassoun" and the World Epic Heritage. 4–6 November, 2004/ Tsakhkadzor. Yerevan: National Academy of Sciences of Armenia, 2003. P. 17–24. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/nekludov18.htm> (дата обращения: 24.12.2012).
7. Былины. Комментарии к былинам о бое Ильи с сыном // URL: <http://www.russianplanet.ru/filolog/ruslit/bogatyrilh.htm> (дата обращения: 24.12.2012).
8. *Неклюдов С.Ю.* «Героическое детство» в эпосах Востока и Запада // Историко-филологические исследования: сб. ст. памяти акад. Н.И. Конрада. М.: Наука, 1974. С. 129–140.
9. *Пиотровский М.В.* Коранические сказания. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1991. 219 с.
10. Легенда // Литературная энциклопедия: в 11 т. / под ред. *В.М. Фриче, А.В. Луначарского*. М.: Изд-во Коммунистической академии; Сов. энциклопедия; Худ. лит., 1929–1939.

*Поступила в редакцию 15.01.2013 г.
Принята к печати 30.09.2013 г.*